

Ф. Юкеттер

ДИСКУРС: РЕКОМЕНДАЦИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ

В своем введении в дискурсный анализ А.Ландвер пишет: требуется "определенное мужество, чтобы произнести или написать слово 'дискурс' в научных обсуждениях". По его мнению, существует "распространяющееся раздражение", следствием которого является, например, то, "что регулярно можно услышать стоны, как только речь идет о 'дискурсе'" [1]. Об этом можно спорить. Если бы это было действительно так, то современные гуманитарные науки очень давно вошли бы в легенду своими стонами; ведь дискурс давно стал повседневным понятием. Возникает прямо-таки искушение в свою очередь истолковать замечание Ландвера по поводу дискурса посредством дискурсного анализа, поскольку тогда можно было бы продемонстрировать, что дискурсный анализ по-прежнему охотно окружает себя дурной славой субверсивного и маргинального, хотя он очень давно стал основным направлением в новой культурной истории. Тем не менее, диагноз Ландвера затрагивает больное место, так как стремительное развитие понятия не осталось без последствий, сегодня дискурс является трудно определяемым понятием, за которым может скрываться многое. Это не только следствие частого употребления: понятие дискурса уже вначале было многообразным, и ретроспективный взгляд не позволяет выявить его "первоначальное ядро". Но и широкое употребление понятия с 1970-х годов ни в коем случае не привело к тому, чтобы несколько значений слова выявились как доминирующие, напротив, разнообразие значений увеличилось. Если кто-то однажды перечислит все значения слова "дискурс" в академическом словоупотреблении,

общий знаменатель будет очень неопределенным: использование термина дискурс связано с коммуникацией.

Как приблизиться к такому расплывчатому понятию? Вероятно, применим подход *ex negativo*, когда прежде всего выясняют, чем дискурс не является. Во-первых, дискурс не просто другое слово для обозначения "дискуссии". Правда, дискурс и дискуссия нередко используются синонимически, но при таком словоупотреблении понятие, в конечном счете, лишается всякого смыслового содержания. В общем дискурс имеет в виду специфический вид дискуссии, в то время как под дискуссией в принципе может пониматься любая форма человеческой коммуникации, безразлично, насколько неупорядоченная или бессвязная; дискурс подразумевает, что обсуждение следует определенным правилам. Эти правила могут быть разного вида: они могут быть формальными или неформальными, они могут быть санкционированы государством или сформированы обществом, они могут быть действительны для специфической группы или для всего общества; на этом нужно будет остановиться подробнее. Однако в первом приближении решающим является то, что дискурс предполагает: бескрайнее изобилие возможных высказываний ограничивается определенными заданными условиями. Во-вторых, дискурсный анализ больше чем просто анализ текста и тем более понятий: речь идет о способе исследования исторических семантик, который выходит за границы слова и предложения, даже за границы текста и текстуальности: при дискурсном анализе речь идет не только о сказанном, но и о

том, что не было высказано или не могло быть высказано, поскольку определенные речевые акты лежат вне дискурсивного кодекса правил. В-третьих, дискурс не является чем-то, что связано с отдельным лицом. Дискурс – это нечто надындивидуальное, даже если отдельные лица могут влиять на дискурсы и создавать их. Дискурсы принадлежат одновременно всем и никому. Таким образом, если кто-то скажет: "Я хотел бы начать дискурс о...", то человек не знает, о чем он говорит.

Итак, понятие дискурса связано с представлением о языке как об автономной общественной силе. О дискурсах в целом речь идет только тогда, когда общественная манера говорить не объясняется непосредственно определенными интересами. Хотя дискурсы ни в коем случае не являются свободными от интересов, но они нечто большее, чем их простое отражение. Язык с точки зрения дискурсивного анализа является не только средством передачи информации, но и *suí generis* (в своем роде) общественным действующим лицом, с собственными правилами, собственными границами и с воздействием, которое нельзя напрямую объяснить определенными интересами.

До этого момента среди теоретиков дискурса еще можно встретить единомышленников. Однако становится ясно, что можно прийти к совершенно разному пониманию дискурса, смотря по тому, как рассматривать язык концептуально. Так, курьезным образом латинское происхождение слова дискурс - *discursus*, разбегание в разные стороны, беготня туда-сюда – стало вполне подходящим, ведь разнообразие дефиниций и подходов является, вероятно, самой очевидной характерной чертой теории дискурса. Даже теоретический статус понятия дискурса не является бесспорным: в то время как в большинстве случаев оно используется в качестве аналитического инструмента, у

Ю. Хабермаса оно является положительным идеалом, при помощи которого обозначается состояние свободной от власти коммуникации, к которой надо стремиться и при которой личная обусловленность уступает место рациональному обмену аргументами[2]. Чтобы не воспроизводить понятийный хаос, я хотел бы сконцентрироваться на одном авторе, а именно на Мишеле Фуко.

Этим выбором я ни в коем случае не хотел создать впечатление, что понятие дискурса изложено у Фуко с особенной ясностью. Сам Фуко однажды назвал свое мыслительное здание "лабиринтом"[3]. Исторические работы Фуко были и остаются спорными, и именно в такой мере, что австралийский историк К. Виндшаттл даже обвинил Фуко в "убийстве истории"[4]. Решающими при выборе Фуко для этого доклада скорее были два мотива. Во-первых, то, что Фуко, пожалуй, более способствовал распространению понятия дискурса, чем какой-либо другой философ, и его имя связано с понятием дискурса так тесно, как ни одно другое. С другой стороны, на примере трудов Фуко, в особенности его ранних работ, можно особенно хорошо показать теоретические импликации и выводы из понятия дискурса.

Даже самые резкие критики Фуко признают, что с его работами в историческую науку пришли новые темы. Это относится в особенности к первой книге Фуко "Безумие и цивилизация" 1961 года[5]. Здесь речь идет о том, что понимание безумия в процессе развития общества существенно изменилось. В прошлом безумие понималось только как отрицание разума и не считалось достойным изучения. Затем возник дискурс о безумии, бред стал положительной сущностью знания. Это - первое и одновременно основное значение дискурса у Фуко: безумие создается посредством дискурса, и оно создается таким способом, который не ограничивается голыми фактами. (Нередко Фуко упрекают в том, что он

хочет все фактическое полностью растворить в дискурсивном, но это, пожалуй, слишком односторонняя интерпретация.) Важным является далее, что дискурс о безумии связан с социальными практиками: когда безумие становится понятным посредством разума, определяясь как отклонение от определенных норм, появляется возможность его "обсуждения", а это значит у Фуко прежде всего: обособления. Процесс дискурсивного обособления – это одна из больших тем Фуко, и дискурсивное обособление "душевнобольных" является только одним из многих случаев. Подобное происходит, в зависимости от эпохи, с нищими и бродягами, бедными, уголовными преступниками, гомосексуалистами, деятелями искусства и революционерами.

Процесс дискурсивного обособления согласно Фуко тесно связан с физическим заключением. Госпитали, убежища, тюрьмы, даже фабрики для Фуко являются более или менее аналогичными учреждениями: они являются местами обособления и дисциплинирования, в конечном счете, инструментами формирования дисциплинарного общества, которое стремится к созданию повинующегося субъекта. При этом важно также не упускать из виду дискурсивное обратное влияние на необособленных: нормальность возникает только благодаря систематически-институционализированному обособлению отклонений в их разнообразных проявлениях. Поэтому было бы абсолютно неправильно понимать дискурсы как "пустые слова": дискурсы могут идти рука об руку с физической силой, ведь с точки зрения теории дискурса они только и создают основу для ее применения, потому что только тогда "другое" устанавливается посредством дискурса, когда оно становится понятным как предмет контроля и наказания[6].

Само собой разумеется, что произведение Фуко представлено только отрывочно и только грубыми мазками. Речь идет не о том, чтобы раскрыть его аргументацию в деталях или задать вопрос о ее обоснованности, а скорее о том, чтобы объяснить, как дискурс у Фуко связан с обособлением и дисциплинированием, чтобы показать, как представление об автономном субъекте у Фуко систематически демонтируется: индивидуум, если сформулировать это заостренно, становится мячиком для игры всегда предшествующего ему дискурсивного регулирующего механизма. С другой стороны, даже если Фуко категорически отказался от представления о постоянном прогрессе по направлению к большей гуманности в процессе модернизации, он, однако, никогда принципиально не распрощался с проектом просвещения. Вероятно, в этом месте нужно было бы упомянуть, что Фуко, ставший научной звездой и заваленный приглашениями за границу – снова и снова с большим интересом изучал судебные системы приглашавших его стран. Поэтому невнимание Фуко к простым материальным интересам, его "растворение" индивидуальных ответственностей в общественных дискурсах ни в коем случае не должно склонять к предположению, что дискурсивный анализ у Фуко ведет в конечном счете к деполитизации. Ошибочно рассматривать дискурс как неполитическое понятие. У Фуко понятие дискурса является также важным инструментом критики власти, ортодоксальности, научных авторитетов. Так, если история науки в прошедшие десятилетия порвала с традицией изображения великих мужчин (и время от времени великих женщин), то это в немалой степени было также заслугой Мишеля Фуко.

Теперь поставим вопрос, как практически заниматься дискурсивным анализом? Что особое дает его применение? В руководствах по

дискурсивному анализу дается только косвенный ответ, и это не случайно: дискурсивный анализ по Фуко возник в полемике с интеллектуальными течениями его времени, с марксизмом, структурализмом и герменевтикой, и он является составной частью интеллектуальной системы. Проще говоря, дискурсивный анализ – нечто большее, чем простой методический инструмент для анализа источников. Тем не менее, понятие дискурса можно плодотворно использовать в повседневной практической работе историка. Позвольте пояснить это на примере.

Тема моей диссертации – загрязнение атмосферного воздуха в Германии и США с конца XIX века. На первый взгляд, это самая неподходящая тема для дискурсивного анализа, ведь здесь в голову приходят прежде всего пораженные растения, больные люди и огромные фильтровальные установки. Но фильтровальные установки, как известно, не строятся сами по себе, решение установить фильтр или не делать этого – результат общественной договоренности в самом широком смысле. Таким образом, решение проблем загрязнения атмосферного воздуха вытекает из способа коммуникации: через язык создается мнение о необходимости и способах борьбы с таким злом, иначе проблема не будет решена. Так было в Германии около 1900 г.: все были согласны, с дымом и копотью из угольных топков необходимо бороться, правда, согласия, как это сделать, не было. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что дискуссии в обществе о загрязнении атмосферного воздуха распались на 4 отдельных дискурса: дискурс юристов, дискурс инженеров, дискурс врачей и гигиенистов и дискурс тех, кого проблема задевала непосредственно. Это значит: в кайзеровской Германии имелось 4 различных способа говорения о проблемах загрязнения атмосферного воздуха, принципиально отличавшихся

друг от друга, которые – и это центральное в понятии дискурса – были замкнутыми в себе и строго обособленными по отношению друг к другу. Участник медицинского дискурса не мог просто так принимать участие в дискурсе юристов: вероятность того, что он действительно понимал, о чем в этом случае шла речь, была незначительной.

Как идентифицировать эти 4 дискурса? 3 из 4 них имеют профессиональный характер. Следовательно, можно начать с профессиональных журналов – заметим, именно журналов: дискурсивный анализ принципиально требует определенной широты источников, чтобы, например, не считать содержательную линию отдельного журнала дискурсом: ведь дискурс является именно общественным событием, а не только индивидуальной линией главного редактора. Дискурсы связаны с тем, где и как проходит говорение, будь то географически, организационно, социально и/или культурно. В работе с журналами необходимо обращать внимание на основные правила говорения о проблеме: например, часто ли тема появляется и в какой связи? Имеется ли определенная стереотипная последовательность аргументации, или, по меньшей мере, определенные части аргументации следуют такой схеме? Имеются ли определенные высказывания, которые встречаются регулярно? Нужно обращать внимание, имеются ли определенные аспекты, которых регулярно избегают. При дискурсивном анализе внимание всегда направлено на типичное, постоянно встречающееся или регулярно отсутствующее: речь идет именно о том, чтобы идентифицировать правила, определяющие говорение о проблемах загрязнения атмосферного воздуха, например, среди инженеров.

Продолжу рассмотрение этого примера: при анализе инженерной литературы я обратил внимание на ряд типичных черт. Бросилось в глаза, что в центре находились преимущественно

самые новые изобретения, что авторы очень заботились о точности технической терминологии. Далее примечательно, что инженеры редко и неохотно высказывались об официальной политике в этой области, чиновники имплицитно считались своего рода естественным антиподом инженера. Также видно, что некоторых тем инженеры практически не касались, например, воздействия загрязнения на здоровье. Из этих наблюдений реконструируются дискурсивные правила, присущие инженерам: аккуратность и точность в использовании технической терминологии, отказ от обоснования официальной политики, игнорирование в основном других аспектов темы.

Теперь возникает следующий вопрос: какого рода эти правила? Что заставило участников дискурса – а именно инженеров – действительно исполнять их? В целом установлено, что формальные запреты, например государственные законы, были незначительными. В большинстве случаев дискурс определяют социальные факторы: в данном случае, например, специфическая социализация профессии инженера и его профессиональный опыт. Однако из этого ни в коем случае нельзя делать вывод, что правила дискурса в конечном счете являлись не более чем необязательным предложением, поскольку явная угроза наказания отсутствовала. Наоборот! Именно когда правила заданы профессией, они отличаются четкостью, которую нельзя недооценивать: если инженер говорит о загрязнении атмосферного воздуха совершенно иначе, чем этого требуют дискурсивные правила его профессии, то он скоро услышит: ты говоришь не как настоящий инженер.

Однако дискурсы следует анализировать не только изнутри, т.е. с точки зрения их влияния на участников, но и в их воздействии на все общество. Какое значение имело то, что проблема загрязнения обсуждалась в разных дискурсах? В этом случае последствия

были, коротко говоря, фатальны: чтобы эффективно бороться с загрязнением, была необходима комбинация различных точек зрения: знания юристов нужны были так же, как знания техников и медиков, и только такая комбинация позволяла найти эффективную стратегию решения проблемы. Здесь же ни один дискурс не был открыт для взглядов участников других дискурсов. Иначе говоря: чтобы эффективно бороться с загрязнением атмосферного воздуха, нужно быть относительно независимым, а этой независимостью едва ли кто-то обладал.

Главарь американской мафии Аль Капоне однажды сказал: "С любезным словом и пистолетом в руке можно пойти дальше, чем только с любезным словом". Попробуем на этом примере показать, как одно и то же предложение можно интерпретировать по-разному.

• Можно понимать его таким образом, что воздействие дискурсов имеет свои границы там, где применяется физическая сила (или ее угроза). Тогда дискурсивный анализ становится бессмысленным.

• Можно, однако, указать на то, что поднятый пистолет приобретает смысл только благодаря тому, что его владелец посылает определенные коммуникативные сигналы: если бы Аль Капоне только вытащил пистолет, но не сказал ни слова, то ситуация осталась бы дискурсивно неопределенной, и бедная жертва терзалась бы вопросом: чего Вы от меня хотите?

• Можно продвинуться дальше и акцентировать значимость коммуникации, ведь на поведение жертвы повлиял не только пистолет, но и известность Аль Капоне. С этой стороны, ситуация является как бы частью мафиозного дискурса, который придает значение таким предметам, как пистолет, и делает поведение жертвы предсказуемым. Проще говоря: только благодаря своему участию в дискурсе жертва "знает", что пистолет настоящий,

и Аль Капоне в случае ее сомнения нажмет на курок.

•Теоретически можно двинуться дальше и заявить, что использование пистолета и последствия этого, например, ранение жертвы, не имеют значения за рамками дискурса. Во всяком случае, есть авторы, утверждающие, что даже такой первичный опыт, как боль, устанавливается только дискурсивно. Это крайняя позиция – растворение фактического в дискурсивном. Правда, крайности способствовали тому, что понятию дискурса иногда придается негативный оттенок.

•Можно было бы попытаться отмахнуться от этих различных подходов, как от интеллектуальной игры, но это недальновидно, так как ограничивает возможности исторической критики.

Перевод И.Н.Мирославской

Библиографический список

1. Landwehr A. Geschichte des Sagbaren. Einführung in die Historische Diskursanalyse. Tübingen, 2001. S. 65 и далее.
2. См. об этом: Habermas J. Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 422). Frankfurt, 1992. Kap. 3; Habermas J. Zwei Bemerkungen zum praktischen Diskurs // Ibid. Zur Rekonstruktion des Historischen Materialismus (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 154). Frankfurt, 1976. S. 338-346; Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns // Ibid. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1984. S. 571-606.
3. Foucault M. Archäologie des Wissens (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 356). Frankfurt, 1981. (франц. оригинал: L'archeologie du savoir. Paris, 1969) S. 30.
4. Windschuttle K. The Killing of History. How Literary Critics and Social Theorists Are Murdering Our Past. Paddington, 1996. Глава. 5. См. о критике также Wehler H.-U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte. München, 1998. Kap. 2.
5. Foucault M. Wahnsinn und Gesellschaft. Eine Geschichte des Wahns im Zeitalter der Vernunft (Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 39). Frankfurt, 1996 (franz. Original: Histoire de la folie. Paris, 1961).
6. См. Foucault M. Überwachen und Strafen. Die Geburt des Gefängnisses (Suhrkamp Taschenbuch 2271). Frankfurt, 1994. (franz. Original: Surveiller et punir. La naissance de la prison. 1975; русский перевод: Фуко М. Дисциплинировать и наказывать).